

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 249-261, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.249
www.ejournal15.com

Relevant Topic: Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the South of Russia in the Museums and Memorial Space

UDC 93/94+908

National Museums of the North Caucasus in the Socio-Cultural and Historical-Memorial Processes

Evgeny F. Krinko

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

The national museums of the North Caucasus Republics are active participants of the socio-cultural and historical-memorial processes in the region. Before the revolution of 1917, materials about the highlanders of the North Caucasus were presented in the ethnographic collections of local museums mainly. The formation of national autonomies was accompanied by significant changes in museology. New regional museums and expositions became an important evidence of the right of peoples of the North Caucasus for the conservation and use of their cultural heritage. Later on, the formation of museums was more than once influenced by the various political and ideological factors.

The national museums of the North Caucasus republics play a significant role in the preservation, study, and representation of the regional historical and cultural heritage. The materiality and authenticity, the qualities of museum artifacts, give a special credibility to concepts that are put on the basis of the exposition. As a result, museums are transformed not only into the subjects but also to the means of the historical and cultural policy.

Keywords: historical and cultural heritage, historical policy, museum exhibit, museum fund, national museum, North Caucasus.

Введение

Музеи призваны собирать, сохранять, изучать и представлять природные и историко-культурные объекты, обладающие ценностью в глазах общества и наделяемые определенными смыслами. Но при комплектовании музейных фондов, подготовке выставок и экспозиций далеко не все объекты природного и культурного наследия превращаются в экспонаты, а выставляется для публичного обозрения в лучшем случае одна десятая от

содержимого фондов. Всегда возникает проблема выбора, решение которой зависит от различных обстоятельств, в том числе определенного социального и политического заказа со стороны государства и общественных организаций. В результате музей, особенно историко-культурной направленности, казалось бы, представляющий собой учреждение, обращенное к прошлому, мало связанному с современными событиями, превращается не только в объект, но и в средство осуществления исторической и мемориальной политики.

По словам А. Ассман, музей, как архив или научная библиотека, «является культурным институтом, где общество хранит реликты и следы прошлого после того, как они теряют живую связь со своими прежними контекстами. К числу таких предметов относятся книги, письма, рукописные свидетельства, а также картины, фотографии и другие медиальные носители информации. Выпадая из прежнего функционального контекста, они становятся безмолвными свидетелями прошлого, которые подлежат новому толкованию со стороны экспертов» [1]. Очевидно, что это новое толкование иногда напрямую, а чаще опосредованно сопряжено с новым социальным и политическим контекстом. В данной связи представляет интерес опыт становления национальных музеев на Северном Кавказе как главных музейных учреждений республиканского уровня.

Материалы и методы

Стремление к научной достоверности и аргументированности полученных выводов обусловило использование широкого круга источников и соответствующего исследовательского инструментария. Статья написана на основе документов, извлеченных из фондов двух ведущих региональных архивов – Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО) и Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А), часть которых впервые вводится в научный оборот, а также ранее опубликованных материалов, включая сведения, размещенные на сайтах самих музеев Северного Кавказа. Главными принципами исследования стали историзм, позволяющий рассматривать создание и деятельность музеев Северного Кавказа в динамике, в контексте определенной исторической эпохи, и системность, выражающаяся в их изучении во взаимосвязи всех необходимых элементов. Использовались традиционные методы исторического исследования: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-генетический и источниковедческий анализ документов.

Обсуждение

Специальных историографических исследований, посвященных непосредственно истории музейного дела на Северном Кавказе, практически нет. В то же время необходимо отметить работы по историографии национально-культурного строительства в регионе [2], а также складыванию северокавказской историографической традиции [3], в которых нашли свое отражение и рассматриваемые сюжеты.

До революции 1917 г. вопросами сохранения историко-культурного наследия на Северном Кавказе занимались императорские Археологическая комиссия, Русское географическое общество, Московское археологическое общество и их региональные отделения, а также Ставропольский губернский, Кубанский и Терский областные статистические комитеты. Благодаря их деятельности в течение XIX – начала XX вв. были обнаружены десятки памятников древности, собраны уникальные археологические и этнографические коллекции, составившие основу первых музеев в Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси), Екатеринодаре (в настоящее время – Краснодар), Владикавказе, Ставрополе, Пятигорске [4]. Именно при Кубанском областном статистическом комитете в 1879 г. был создан Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей. В 1893 г. появился музей во Владикавказе при Терском областном статистическом комитете для сохранения памятников современной жизни народов и «уцелевших реальных остатков их исторического прошлого» [5]. В 1916 г. Черкесское благотворительное общество создало организационную комиссию по образованию этнографического музея, но этому помешали события революции и Гражданской войны. В том же году на базе местного краеведческого общества возник музей в станице Баталпашинской (в настоящее время – город Черкесск) [6]. В целом, до революции материалы о горцах Северного Кавказа были представлены преимущественно в этнографических коллекциях региональных музеев,

созданных по инициативе местной администрации и интеллигенции, выступая предметом научно-познавательного интереса.

Уже на этапе становления национальных музеев на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. их деятельность и стоявшие перед ними новые задачи в условиях утверждения советской власти и последующей социалистической модернизации раскрывались в ряде специальных публикаций, имевших в значительной степени прикладной характер [7–10 и др.]. В дальнейшем истории музеев Северного Кавказа были посвящены обобщающие и специальные публикации [11–13 и др.]. Развитие музейного дела на Северном Кавказе и проблемы сохранения историко-культурного наследия народов региона становились предметом обсуждения на научно-практических конференциях, а их материалы превращались в значимые историографические факты [14]. Тем не менее данная тема представляется недостаточно разработанной.

Результаты

Создание национальных автономий на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. способствовало развитию музейного дела в регионе. Существенную роль в этом первоначально играли местные краеведческие общества. В 1920 г. было создано Северо-Осетинское краеведческое общество, в 1922 г. – Кабардино-Балкарское общество изучения местного края, целью которого являлись «сбор и исследование материалов, как характеризующих прошлую жизнь края, так и выявляющих современный быт и естественные богатства его». В 1924 г. – Общество изучения Адыгейской автономной области и литературное общество в Ингушетии, занимавшееся вопросами краеведения. В 1929 г. – Чеченское краеведческое общество, в которое вошло созданное годом раньше Грозненское научное общество [15].

В целях обеспечения руководства всеми краеведческими обществами и координации их работы в 1920 г. во Владикавказе – административном центре Горской АССР – был организован Горский научно-исследовательский институт краеведения, а при нем Горский музей, на который возлагалась задача представить историю и современный быт горских народов. Однако практически сразу же после провозглашения Горской АССР начался ее распад, а в новых национальных автономиях стали создаваться собственные краеведческие музеи. В апреле 1921 г. в Нальчике был открыт музей Кабардинского округа, первым выделившегося из состава Горской АССР. После слияния Кабардинского и Балкарского округов он был преобразован в музей Кабардино-Балкарской АО. Председатель Кабардинского окружного исполкома Б.Э. Калмыков призвал жителей оказать содействие в создании музея и сам передал в него личное оружие – шашку и ружье. Первым директором музея стал сельский учитель председателя – М.И. Ермоленко, в квартире которого и разместились первые экспонаты. Уже к концу 1921 г. в музей поступило свыше 1,2 тыс. экспонатов, а с 1925 г. он переехал в отдельное здание [16].

В 1924 г. отделом народного образования города Грозного был основан окружной музей по истории и религии, имевший в своих фондах первоначально всего 150 единиц хранения. В 1926 г. он был преобразован в Чеченский областной музей краеведения [17]. В 1925 г. возник Адыгейский историко-этнографический музей в Краснодаре, считавшемся административным центром Адыгейской АО. За первый год существования в его фонды поступило 962 предмета по истории, этнографии и археологии адыгов [18]. На базе краеведческого музея в Баталпашинске, имевшего всего 100 экспонатов, собранных учителями и учащимися местных школ, был создан Карачаево-Черкесский областной краеведческий музей, но первые годы он продолжал действовать на общественных началах [19]. В 1926 г. Карачаево-Черкесская АО была разделена на Карачаевскую АО, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район. Первоначально комиссия по реорганизации Карачаево-Черкесской АО приняла решение: «Областной музей оставить в Баталпашинске. Исторические по своему национальному характеру предметы при надобности передать Карачаю и Черкесии» [20]. Затем Баталпашинск стал центром Черкесского национального округа, с 1928 г. – Черкесской АО. Но только в 1934 г. для музея выделили отдельное здание, а его содержание взяли на местный бюджет [21]. А в административном центре Карачаевской АО Микоян-Шахаре (в настоящее время – Карачаевск) областной музей был создан в 1930 г.

С образованием Северо-Кавказского края, административным центром которого стал Ростов-на-Дону, возник вопрос о создании здесь соответствующих культурных учреждений, в связи с необходимостью «отражения культурно-этнографической действительности многочисленных народов нашего края», ибо «управлять краем нельзя, не зная его действительности». В письме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) начальнику Главного управления научными, научно художественными и музейными учреждениями (далее – Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР Ф.Н. Петрову сообщалось: «С момента районирования Северо-Кавказского края у нас всегда стоял на очереди дня насущный вопрос о скорейшем удовлетворении культурных запросов отсталых горских народов в нашем крае». В результате в Ростове были созданы краевые горские институт краеведения и музей народов Северного Кавказа. Музейный отдел Главнауки выделил для них ценные экспонаты и краеведческую библиотеку [22].

Основой для краевого музея стал Донской музей, ему передали часть материалов из Горского музея во Владикавказе. Наркомпрос РСФСР предоставил экспонаты из Эрмитажа, отражавшие историю горских народов Северного Кавказа. Музей также получил библиотеку бывшего грузинского князя Шервашидзе [23]. В отношении института краеведения и музея во Владикавказе руководство крайкома сообщало следующее: «Владикавказ с момента районирования потерял свое краевое значение, оказавшись центром лишь Ингушетии и Осетии, а последние, создавая свои национальные краеведческие учреждения, неоднократно ставили вопрос о ликвидации Владикавказского института краеведения» [24]. Ввиду признания Горского музея во Владикавказе музеем «местного значения», т.е. музеем двух автономий – Ингушской АО и Северо-Осетинской АО, его решили передать в их ведение [25]. Споры руководства автономий по вопросу содержания и функционирования объединенного осетино-ингушского музея завершились его окончательным разделением в августе 1927 г. на осетинский и ингушский музеи [26].

Сами факты создания музеев в национальных автономиях выступали важными свидетельствами их прав и возможностей на сохранение и использование своего культурного наследия, в соответствии с декларировавшимися принципами советской национальной и культурной политики. К тому же музеи, как и другие учреждения культуры, обеспечивали и решение практических задач национально-государственного строительства. В письме в коллегию Наркомата просвещения РСФСР руководители органов просвещения Северо-Осетинской АО писали: «Первой задачей, возникающей перед нацменами, становящимися на путь культурного подъема, является уяснение себе своего национального лица, как оно сложилось к данному моменту в процессе исторической жизни... Поэтому вполне понятна необходимость изучения осетинского народа и условий его существования в историческом разрезе» [27]. В результате на музеи возлагались не только охранительные, но и научно-исследовательские задачи, связанные с изучением национальной культуры, а также просветительские, выполнявшиеся совместно с органами образования.

Однако в первые годы роль краеведческих музеев осознавалась не всеми руководителями национальных автономий, да и возможности создавать и содержать их были крайне ограничены. Так, на все расходы созданного в 1928 г. Осетинского музея материальной и духовной культуры было ассигновано 300 руб., а единственным штатным научным сотрудником являлся сам заведующий музеем [28]. Между тем на музей возлагался широкий круг задач по изучению памятников прошлого, быта осетин, хозяйства, искусства, а также по учету и охране памятников. Он должен был собирать, хранить и выставлять для обозрения изучаемые объекты [29]. Директор Адыгейского краеведческого музея вплоть до 1937 г. оставался его единственным научным сотрудником.

Фонды северокавказских музеев активно пополнялись археологическими и этнографическими экспонатами в результате полевых экспедиций. У населения приобретались оружие, домашняя утварь, посуда и другие изделия. Часть экспонатов передавалась самими жителями, а часть – органами власти. Так, в 1926 г. в Чеченский областной музей поступила коллекция оружия в количестве 60 предметов, конфискованных из бывшего особняка инженера Притулы [30]. Материалы о событиях революции, Гражданской войны и социалистическом строительстве, как правило, передавались их непосредственными участниками, произведения искусства, в основном связанные с регионом, – Государственным музейным фондом, музеями Москвы и Ленинграда.

Отдельные экспонаты поступали и из других мест, в том числе из бывшего Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе, где в XIX в. сложилась крупная коллекция материалов о горских народах Северного Кавказа. Например, Чеченскому областному музею были переданы картины Ф. Рубо «Взятие Гуниба и пленение Шамиля» и «Смерть генерал-майора Слепцова в Гехинском лесу», портреты генералов – участников Кавказской войны, гравюры и литографии из Тифлиса, а также автопортрет П. Захарова из Третьяковской галереи [31]. Адыгейский областной историко-этнографический музей при поддержке Адыгейского областного исполкома и областного отдела народного образования получил черкесские знамена времен Кавказской войны. Натухаевское знамя с рядом других экспонатов поступило из Грузии, а шапсугское – из Государственного музея Азербайджана в январе 1926 г. [32] В то же время ходатайство перед Главнаукой о передаче в Адыгейский музей из Кубанского, Геленджикского, Новороссийского и других музеев экспонатов, относившихся к истории и быту адыгов, не было удовлетворено [33].

Во второй половине 1930-х гг. материальные возможности музеев национальных автономий Северного Кавказа выросли, особенно в образованных в 1936 г. автономных республиках – Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР. После объединения Чеченской АО и Ингушской АО в Чечено-Ингушскую АО и ее преобразования в Чечено-Ингушскую АССР Чеченский областной музей стал Чечено-Ингушским краеведческим музеем, а ингушский краеведческий музей во Владикавказе – музеем Пригородного района. При этом основной фонд последнего в 4 тыс. экспонатов и 22,8 тыс. книг был передан в Чечено-Ингушский краеведческий музей [34]. Штат Адыгейского музея в 1937 г. вырос до 4 человек, а в его фондах к этому времени насчитывалось 2817 экспонатов [35]. В связи с перемещением центра Адыгейской АО в Майкоп в 1936 г., музей также переехал сюда в 1938 г., включил в свой состав созданный ранее Майкопский районный музей природы и был переименован в Адыгейский областной краеведческий музей. В то же время музейную сферу не обошли стороной политические репрессии, от которых пострадали ряд работников. Так, в 1939 г. был арестован директор Адыгейского краеведческого музея И.А. Наврузов, возглавлявший его с первых дней.

В годы Великой Отечественной войны многие краеведческие музеи Северного Кавказа понесли значительный ущерб. Их эвакуация в условиях быстрого наступления вермахта летом 1942 г. оказалась сорвана. В период нацистской оккупации 1942–1943 гг. были разграблены этнографические коллекции в музеях Нальчика, Майкопа, уничтожены все музейные экспонаты в Черкесске. Погибли отдельные сотрудники, включая директора Черкесского краеведческого музея П.К. Григорьева, ушедшего в партизанский отряд [36]. Но и после освобождения Северного Кавказа советскими войсками потери в музейной сфере продолжались. Вследствие депортации карачаевцев и ликвидации Карачаевской АО в 1943 г. прекратил свое существование областной краеведческий музей. Выселение вайнахов в 1943 г. и упразднение Чечено-Ингушской АССР привели к ликвидации музея Пригородного района и преобразованию Чечено-Ингушского краеведческого музея в Грозненской областной музей краеведения.

В послевоенные годы потребовалось немало сил и времени для восстановления музеев и их деятельности. Например, Адыгейский краеведческий музей смог организовать первую послевоенную выставку только в 1954 г. [37]. Реабилитация чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев и воссоздание национальных автономий репрессированных народов Северного Кавказа также сопровождалась изменениями в музейной сфере, восстановлением и соответствующим преобразованием музейных учреждений.

Эпоха потрясений сменилась в 1960–1980-х гг. для музеев автономных республик и областей Северного Кавказа периодом стабильного развития. В эти годы существенно пополнились музейные фонды, в структуре музеев появились новые отделы и экспозиции. Так, к началу 1970-х гг. фонды восстановленного Чечено-Ингушского краеведческого музея по сравнению с послевоенным периодом выросли более чем в 20 раз и насчитывали более 80 тыс. единиц хранения, из которых более 57 тыс. составляли подлинные материалы [38]. Фонды Карачаево-Черкесского краеведческого музея содержали в рассматриваемый период до 50 тыс. экспонатов [39]. Улучшилась и материальная база музеев. Краеведческий музей Кабардино-Балкарской АССР переехал в сентябре 1966 г. в специально построенное здание

с 11 залами, а Карачаево-Черкесский краеведческий музей получил в свое распоряжение здание в центре Черкесска – памятник архитектуры XIX в.

В то же время комплектование музейных фондов и формирование экспозиций находились под строгим идеологическим контролем партийных органов. При создании выставок и экспозиций внимание акцентировалось на добровольном вхождении народов Северного Кавказа в состав России, их тяжелом положении до революции 1917 г., успехах в развитии экономики и социальной сферы, культуры и образования национальных автономий в годы советской власти. Значительное место отводилось показу героизма жителей национальных автономий на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны, прославлялось боевое сотрудничество представителей различных национальностей региона. В то же время многие «болезненные» вопросы истории народов Северного Кавказа не находили своего отражения в экспозициях, а не «вписывавшиеся» в советскую музейную практику артефакты подлежали изъятию. Так, еще в 1951 г. партийная комиссия решила изъять черкесские знамена периода Кавказской войны из Адыгейского краеведческого музея как «идеологически невыдержанные и устаревшие». Но заведующая фондами музея Л. Лебеденко спрятала знамена у себя дома. С течением времени угроза изъятия исчезла, и знамена вернулись в хранилище, однако выставлять их стало возможным сравнительно недавно, уже в 1990-е гг. [40]. Несмотря на реабилитацию репрессированных народов Северного Кавказа, обстоятельствам их депортации и периоду принудительной ссылки также не уделялось внимания в музейных экспозициях. По словам заместителя директора по научной работе Государственного карачаево-черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (далее – ГКЧИКиПМЗ) Т.У. Байрамуковой, в советское время «вообще об этом никто не говорил. Вот нет, и все, “вытерли” этот период» [41].

В начале 1990-х гг. бывшие автономные области и республики Северного Кавказа стали полноправными республиками в составе Российской Федерации. Стремление к суверенизации, нашедшее отражение в принятых конституционных актах новых республик, реализовалось и в проведении ими собственной культурной и мемориальной политики. Соответствующие изменения произошли и в музейной сфере. В большинстве республик Северного Кавказа – в Республике Адыгее, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Северной Осетии-Алании и Чеченской Республике – краеведческие музеи были преобразованы в национальные музеи. Для самих музейных учреждений это означало не простую замену вывесок, но и возложение на них прямых обязанностей по сохранению, изучению и экспонированию историко-культурного наследия республик, в первую очередь, истории и культуры государствообразующих («титulyных») этносов. Соответствующие положения о приоритетности указанной тематики внесены в уставы национальных музеев. Подобные обязанности были возложены и на главные музейные учреждения Карачаево-Черкесской Республики и Республики Ингушетия, хотя они и не носят официально названия национальных музеев. Повышение статуса сопровождалось необходимыми изменениями в штатах, порядке функционирования и финансирования музеев, работающих по республиканским государственным программам, свидетельствуя о начале нового этапа в их истории.

В настоящее время все руководители национальных музеев Северного Кавказа подчеркивают необходимость учитывать культурные потребности представителей не только государствообразующих, но и других этносов, населяющих республики. По словам генерального директора Национального музея Республики Северная Осетия-Алания (далее – НМРСО-А) Л.Х. Сохиевой, одной из задач возглавляемого ей учреждения является «сохранение культурного наследия осетинского народа. Хотя, в общем-то, республика многонациональная, и наши фонды, которые составляют порядка 270 тыс. единиц хранения, аккумулируют [наследие] представителей всех народов, которые населяют нашу республику <...>, поскольку даже исторически так сложилось, что Владикавказ – город многонациональный и многоконфессиональный, а посему отделять не приходится. Тем самым, тогда мы не раскрываем сущность ни города, ни республики, и поэтому такого четкого разграничения нет» [42].

Т.У. Байрамукова также утверждает: «Мы показываем все народы, которые проживают здесь, у нас. <...> Этот вопрос для музея один из главных». При этом она в первую очередь отметила карачаевцев – «это большая часть населения современной Карачаево-Черкесии»,

затем черкесов, абазин, русских, ногайцев, а также «компактные поселения и греков, и осетин, и т.д. Т.е. у нас очень много национальностей» [43]. Стремление подчеркивать существование пяти «титულных» этносов в Карачаево-Черкесской Республике проходит красной нитью по всем направлениям музейной деятельности. Однако выполнять указанные задачи не всегда удается, в том числе и по причинам отсутствия необходимых экспонатов, т.к. «не по всем народам, проживающим здесь, у нас есть полновесные коллекции. Что-то утеряно, что-то восполняется» [44].

Особые трудности существуют с показом истории и культуры представителей «нетитульных» этносов. Директор Национального музея Республики Адыгея (далее – НМРА) Ф.К. Джигунова признает, что материалов, рассказывающих об адыгах, в его фондах «значительно больше, естественно. Мы изначально так формировались, когда еще музей был в Краснодаре, при первом директоре, цель была – собрать именно адыгский материал. Потом уже, после революции, после войны, собирали и о представителях других этносов», но доля данных материалов значительно меньше в музейных фондах. Отчасти поэтому расширяется сотрудничество музеев с национально-культурными организациями. В частности, с их участием в НМРА проведен ряд выставок по теме «Адыгея – наш общий дом» [45].

В НМРСО-А реализован специальный выставочный проект о различных народах, проживающих в республике. По словам Л.Х. Сохиевой, «мы пошли именно путем показа многонациональности республики, и мы сделали такой совместный проект с различными диаспорами Осетии. <...> У них нет фондов как таковых, это же не музей. <...> И диаспора каждая, что могла, показала, кто-то из своих коллекций – семейных, частных и т.д. Они принесли там какие-то очень интересные предметы, рассказывающие о культуре, о быте, о каких-то религиозных своих воззрениях, вот этот материал был представлен» [46].

Расширение интереса к этнокультурной проблематике существенно отличает работу музеев в современных условиях от советской эпохи. В прежних экспозициях были лишь фрагментарно представлены отдельные особенности материальной и духовной культуры этносов: «Мы показываем, допустим, шерстяное производство. У одного народа, у абазин, допустим, больше развито плетение циновок – мы их показываем через абазин, там у кого-то еще что-то. Т.е. показываем наиболее характерное для каждого народа в экспозиции. Теперь вот, наверное, думаем, что мы будем показывать уже по каждому народу. Его костюм мы должны будем восстановить, даже если у нас не хватает [материалов]. Будут отдельные [экспозиции]». Происшедшие изменения объясняются возросшим национальным самосознанием, порождающим стремление людей узнать как можно больше о своем этносе и его культуре: «Потому что все, кто приходят, вот, дети приходят и говорят: “А вот что здесь про абазин? Вот здесь вот про этих есть, а вот эти, почему их у вас нет?”» [47]. В результате музей превращается в важнейший инструмент конструирования этнической идентичности, особенно с учетом того, что именно молодежь, дети и подростки остаются его главной целевой аудиторией. В ряде республик Северного Кавказа приняты специальные решения о посещении учащимися музеев на обязательной или добровольной основе.

Руководители музеев Северного Кавказа говорят о необходимости показывать позитивные аспекты взаимоотношений между народами, «надо находить мир все-таки, а как же. От этого кто выиграет? Никто не выиграет. А в таких многонациональных регионах вообще нельзя эти искры пускать, потому что это религиозная рознь, национальная – все. И даже потом забудут, из-за чего это все началось, а это останется». Сказывается стремление уйти от спорных положений при формировании экспозиций: «Музей – это не та сфера, где должны быть какие-то баталии. Мы таких фактов просто избегаем или говорим, что существует и такое, и такое мнение» [48]. Однако полностью избежать дискуссий, например, об этнической принадлежности той или иной группы артефактов все-таки не удастся. Пожалуй, самым ярким их примером являются споры об «аланском наследии» [49]. В целом, хотя примеры взаимопомощи различных музеев региона нередки, их взаимодействие на рубеже столетий ухудшилось, отражая общую динамику взаимоотношений между северокавказскими республиками, прошедшими в 1990-е гг. через полосу межнациональной напряженности и межэтнических конфликтов.

В то же время в трактовке многих вопросов ощутимо влияние сложившихся еще в советское время подходов. Так, в постоянной экспозиции краеведческого музея

Национального музея Кабардино-Балкарской Республики (далее – НМКБР) при характеристике присоединения Кабарды и Балкарии к России основное внимание уделено взаимоотношениям кабардинских князей с Иваном Грозным в середине XVI в. Немало места занимают и материалы о культуре и искусстве кабардинцев и балкарцев в XVIII–XIX вв. – предметы национальной одежды, ювелирные изделия, предметы из дерева и металла, войлочные ковры. Особое значение уделено участию жителей Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне. Специальные комплексы рассказывают о наиболее известных уроженцах региона – адмирале А.Г. Головкин, в годы Великой Отечественной войны командовавшем Северным флотом, а затем занимавшем должность заместителя главнокомандующего ВМФ СССР, Герое Советского Союза летчике А.-Х.Т. Канкошеве.

Уважительное отношение к советскому прошлому, стремление сохранить и представить посетителям свидетельства боевых и трудовых достижений жителей региона в советское время характеризует и деятельность других национальных музеев Северного Кавказа. Тем не менее постепенно находят свое отражение в экспозициях и новые сюжеты. Наряду со сведениями о революции, Гражданской и Великой Отечественной войнах, восстановлении и развитии народного хозяйства, подъеме культуры все чаще приводятся материалы о массовых политических репрессиях, депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, хотя в музеях сохранилось не так много соответствующих артефактов.

Для НМРА приобретение нового статуса в 1993 г. сопровождалось улучшением материальной базы – в декабре того же года он переехал в специально построенное здание. Но только в 2001 г. в нем была открыта первая этнографическая экспозиция «Культура и быт адыгов в конце XVIII – начале XIX в.». В мае 2005 г. создана стационарная экспозиция «Адыгея в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 2006 г. добавилась археологическая экспозиция, посвященная эпохе бронзы на территории Адыгеи. В настоящее время фонды НМРА насчитывают более 290 тыс. экспонатов, относящихся к коллекциям археологии, естественной истории, изделий традиционного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, фарфора, изделий из драгоценных металлов, монет и других предметов [50].

Но большинству музеев региона в 1990–2000-е гг. пришлось решать проблемы выживания, а финансирование оставалось одной из самых серьезных проблем их развития. Так, с 1991 г. в связи с аварией отопительной системы закрылось на ремонт основное здание НМРСО-А, построенное еще в начале XX в. Хотя филиалы и отделы музея продолжают свою работу, затянувшийся почти на четверть века ремонт основного здания имеет негативные последствия уже потому, что в республике «выросло не одно поколение без музея. <...> А где можно с артефактами вот так вот тесно пообщаться, со своими корнями, если не в музее? <...> А музей все-таки давал возможность с этим непосредственно общаться, знакомиться через конкретные артефакты, где есть вот такая возможность общаться с реальной историей» [51]. В последние годы строительство нового корпуса музея ускорилось, но, как минимум, продлится еще в течение нескольких лет. В течение длительного времени продолжается ремонт и краеведческого музея – головного учреждения ГКЧИКиПМЗ, насчитывающего более 80 тыс. единиц хранения. Ухудшились и возможности пополнения музейных фондов.

Трагично сложилась судьба музейных учреждений бывшей Чечено-Ингушской АССР. К 1994 г. фонды Чеченского государственного объединенного музея с входившими в него филиалами насчитывали около 230 тыс. единиц хранения. В ходе боевых действий на территории республики в 1994–1996 гг. музей практически потерял свою материально-техническую базу, лишившись до 90 % своих фондов. Полностью уничтожен его филиал – историко-мемориальный музей А. Шарипова в селе Шатой. Утрачены картины Ф. Рубо, В. Тропинина, П. Верещагина, И. Айвазовского, И. Репина, П. Захарова, вся этнографическая коллекция, включая 68 чеченских истангов – традиционных войлочных ковров, украшенных национальным орнаментом, коллекция холодного и огнестрельного оружия XVII–XIX вв., печать и шашка Шамиля, а также инвентарные книги с данными о музейных фондах, отчеты археологических экспедиций и другая документация. В последние годы руководством республики оказывается значительная поддержка

восстановлению работы Национального музея Чеченской Республики (далее – НМЧР). В новом здании открылась этнографическая экспозиция, выставка произведений профессиональных художников Чеченской Республики. В настоящее время музей насчитывает в своих фондах более 30 тыс. единиц хранения [52].

Сложно происходит становление и музейных учреждений Республики Ингушетия. Еще осенью 1973 г. Т.Х. Мальсагов создал народный музей на основе собранных им лично материалов об ингушах – участниках Великой Отечественной войны. В 1978 г. он был преобразован в Назрановский музей боевой и трудовой славы в качестве филиала Чечено-Ингушского краеведческого музея. Сама тематика созданного музея и собранные им материалы воспринимались как общественно значимые, чрезвычайно важные для ингушского национального самосознания, но недостаточно представленные в других музейных учреждениях республики. Создание Назрановского музея рассматривалось как восстановление исторической справедливости по отношению к ингушам как репрессированному народу, чьи боевые подвиги незаслуженно замалчивались. В августе 1990 г. музею было присвоено имя его основателя, уже ушедшего из жизни. После образования Республики Ингушетия в апреле 1993 г. Назрановский музей боевой и трудовой славы был преобразован в Ингушский государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова, насчитывающий до 15 тыс. единиц хранения [53].

В последние два с лишним десятилетия деятельность музеев Северного Кавказа стала активно использоваться в создании позитивного имиджа данного региона за его пределами. Так, в 2005 г. в Москве в качестве филиала НМЧР открылась галерея заслуженного деятеля искусств России и Чеченской Республики, народного художника России, первого профессионального кинорежиссера Чечни И. Татаева. Помимо экспозиции в самой галерее были организованы выставки в здании Государственной думы Российской Федерации, в Союзе художников России, Академии художеств России, Третьяковской галерее, в Доме кино и других местах [54]. Подобные культурные проекты призваны не только познакомить жителей столицы и других регионов страны с культурными достижениями мастеров искусств Северного Кавказа, но и способствовать отказу от негативных представлений о чеченцах и других «лицах кавказской национальности», а также о самом регионе как символе терроризма и бандитизма.

Выводы

Национальные музеи Северного Кавказа стали важнейшими институтами формирования исторической памяти и национального самосознания. Само их создание еще в качестве краеведческих музеев выступало одним из наиболее значимых достижений советской национальной и культурной политики, а дальнейшее становление испытывало воздействие различных политических и идеологических факторов. Институциональный характер функционирования музеев обеспечивает решение широкого круга задач по сохранению, переработке и представлению информации. В значительной степени они отражают саму специфику воздействия музейных артефактов на посетителей. При этом ориентация на массовое потребление придает складывающимся историческим образам эмоциональный и редуцированный характер, а долговременность существования обеспечивает их трансляцию из поколения в поколение. Новый статус обеспечивает национальным музеям не только новые возможности, но и новые обязанности по сохранению, изучению и репрезентации историко-культурного наследия народов Северного Кавказа, выступающего необходимой основой их национальной идентичности.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках темы НИР базового бюджетного финансирования № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации».

Примечания

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 54.

2. Шеуджен И.А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Издательство Ростовского государственного университета, 1983.
3. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. 2-е изд., доп. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2011.
4. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. С. 284.
5. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. С. 319–320.
6. Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник им. М.О. Байчоровой. URL: <http://www.museum.ru/M1231> (дата обращения: 06.12.2016).
7. Хубиев И. Краеведческие музеи национальных областей Северного Кавказа и их задачи // Революция и горец. 1931. № 5. С. 60–62.
8. Черемухина Н.М. Музеи Северо-Кавказского края, их состояние и задачи // Советский музей. 1932. № 5. С. 14–22.
9. Подгорнова В., Крупнов Е.И. Краеведческие музеи Северного Кавказа // Советский музей. 1933. № 2. С. 72–75.
10. Крупнов Е.И. Музеи Северо-Кавказского края // Советский музей. 1936. № 1. С. 106–111.
11. Семенов Л.П., Кастуев А.Г. Музей краеведения СО АССР (1897–1947). Дзауджикау: Государственное издательство СО АССР, 1948.
12. Латорцев А.П. Формирование системы музеев на Юге России // Вестник СГУ. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 1999. Вып. 21. С. 31–37.
13. Кричмарь С.М. Создание и развитие историко-краеведческих музеев в национальных республиках Северного Кавказа в XX веке (на материалах Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии). Исторический аспект исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
14. Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами: материалы региональной научно-практической конференции, 28–31 мая 2007 г., г. Майкоп. Краснодар: Вика-Принт, 2007.
15. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп: Меоты, 1995. С. 263–264.
16. Из истории музея // Отдых по душе. URL: <http://www.travelhunters.ru/travels-1347-1.html> (дата обращения: 06.12.2016).
17. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики // ГБУК Национальный музей Чеченской Республики. URL: <http://nacmuzeychr.ru/golovnoj-muzej> (дата обращения: 06.12.2016).
18. Национальный музей Республики Адыгея. URL: <http://adyg-museum.ru> (дата обращения: 06.12.2016).
19. Государственный карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник // Домбай-инфо – все о туризме в КЧР. URL: <http://www.dombayinfo.ru/museum> (дата обращения: 06.12.2016).
20. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 350. Л. 126.
21. Государственный карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.
22. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 18.
23. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). С. 264.
24. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 531. Л. 18.
25. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 11.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 126.
27. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 39. Л. 53.
28. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 186. Л. 39.
29. ЦГА РСО-А. Ф. 124. Оп. 1. Д. 829. Л. 201.
30. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики.
31. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики.
32. Кудай М. Знамена прошлого как символ настоящего // АдыгиRU. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=2938> (дата обращения: 06.12.2016).
33. Теувежева И.Р. Становление краеведения и деятельность Общества изучения Адыгеи в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. Вып. 2. С. 68.
34. Восточная Л. Становление науки в Ингушетии до 1944 года. URL: <http://gazetaingush.livejournal.com/1427857.html> (дата обращения: 06.12.2016).

35. Национальный музей Адыгеи. Позади целый век // Портал культуры народов Северного Кавказа. URL: <http://cpnc.ru/adygea/ns/muzei.html> (дата обращения: 06.12.2016).
36. Государственный карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.
37. Национальный музей Адыгеи. Позади целый век.
38. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики.
39. Государственный карачаево-черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.
40. Кудай М. Знамена прошлого как символ настоящего.
41. Респондент: Байрамукова Т.У., заместитель директора по научной работе ГКЧИКиПМЗ. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 25.04.2014. Продолжительность: 30 мин. Место проведения: г. Черкесск, ГКЧИКиПМЗ // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
42. Респондент: Сохиева Л.Х., генеральный директор НМРСО-А. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 10.07.2013. Продолжительность 69 мин. Место проведения: г. Владикавказ, НМРСО-А // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
43. Респондент: Байрамукова Т.У.
44. Респондент: Байрамукова Т.У.
45. Респондент: Джигунова Ф.К., директор НМРА. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Запись 06.08.2014. Продолжительность: 80 мин. Место проведения: г. Майкоп, НМРА // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
46. Респондент: Сохиева Л.Х.
47. Респондент: Байрамукова Т.У.
48. Респондент: Байрамукова Т.У.
49. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
50. Кумпан С. Национальное достояние: музей Республики Адыгея//МК.RU-Краснодар. URL: <http://kuban.mk.ru/articles/2013/04/03/835607-natsionalnoe-dostoyanie-muzej-respubliki-adygeya.html> (дата обращения: 06.12.2016).
51. Респондент: Сохиева Л.Х.
52. Асталов В.А. История Национального музея Чеченской Республики.
53. Основателю Ингушского национального музея Тугану Хаджимоховичу Мальсагову 90 лет со дня рождения 1912–2002 г. Назрань, 2002.
54. Галерея Илеса Татаева (филиал Национального музея ЧР). URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=96> (дата обращения: 30.06.2013, ресурс более не доступен).

References:

1. Assman A. Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 54.
2. Sheudzhen I.A. Sovetskaja istoriografija nacional'no-kul'turnogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze. Rostov n/D.: Izdatel'stvo Rostovskogo gosuniversiteta, 1983.
3. Kolesnikova M.E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo HH v. 2-e izd., dop. Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2011.
4. Kolesnikova M.E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo HH v. S. 284.
5. Kolesnikova M.E. Severokavkazskaja istoriograficheskaja tradicija: vtoraja polovina XVIII – nachalo HH v. S. 319–320.
6. Gosudarstvennyj Karachaevo-Cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik im. M.O. Bajchorovoj. URL: <http://www.museum.ru/M1231> (дата обращения: 06.12.2016).
7. Hubiev I. Kraevedcheskie muzei nacional'nyh oblastej Severnogo Kavkaza i ih zadachi // Revoljucija i gorec. 1931. № 5. S. 60–62.
8. Cheremuhina N.M. Muzei Severo-Kavkazskogo kraja, ih sostojanie i zadachi // Sovetskij muzej. 1932. № 5. S. 14–22.
9. Podgornova V., Krupnov E.I. Kraevedcheskie muzei Severnogo Kavkaza // Sovetskij muzej. 1933. № 2. S. 72–75.
10. Krupnov E.I. Muzei Severo-Kavkazskogo kraja // Sovetskij muzej. 1936. № 1. S. 106–111.
11. Semenov L.P., Kastuev A.G. Muzej kraevedenija SO ASSR (1897–1947). Dzaudzhikau: Gosudarstvennoe izdatel'stvo SO ASSR, 1948.
12. Latorcev A.P. Formirovanie sistemy muzeev na Juge Rossii // Vestnik SGU. Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosuniversiteta, 1999. Vyp. 21. S. 31–37.

13. Krichmar' S.M. Sozdanie i razvitie istoriko-kraevedcheskih muzeev v nacional'nyh respublikah Severnogo Kavkaza v HH veke (na materialah Kabardino-Balkarii, Severnoj Osetii, Chechni i Ingushetii). Istoricheskij aspekt issledovanija: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1998.
14. Sohranenie i aktualizacija istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Severnogo Kavkaza i formirovanie tolerantnoj lichnosti muzejnymi sredstvami: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, 28–31 maja 2007 g., g. Majkop. Krasnodar: Vika-Print, 2007.
15. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossijskoj Federacii: Severnyj Kavkaz (1917–1941 gg.). Majkop: Meoty, 1995. S. 263–264.
16. Iz istorii muzeja // Otdyh po dushe. URL: <http://www.travelhunters.ru/travels-1347-1.html> (data obrashhenija: 06.12.2016).
17. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki // GBUK Nacional'nyj muzej Chechenskoj Respubliki. URL: <http://nacmuzeychr.ru/golovnoj-muzej> (data obrashhenija: 06.12.2016).
18. Nacional'nyj muzej Respubliki Adygeja. URL: <http://adyg-museum.ru> (data obrashhenija: 06.12.2016).
19. Gosudarstvennyj karachaevo-cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik // Dombaj-info – vse o turizme v KChR. URL: <http://www.dombayinfo.ru/museum> (data obrashhenija: 06.12.2016).
20. GARO. F. R-1485. Op. 1. D. 350. L. 126.
21. Gosudarstvennyj karachaevo-cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik.
22. GARO. F. R-1485. Op. 1. D. 531. L. 18.
23. Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossijskoj Federacii: Severnyj Kavkaz (1917–1941 gg.). S. 264.
24. GARO. F. R-1485. Op. 1. D. 531. L. 18.
25. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 39. L. 11.
26. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 39. L. 126.
27. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 39. L. 53.
28. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 186. L. 39.
29. CGA RSO-A. F. 124. Op. 1. D. 829. L. 201.
30. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki.
31. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki.
32. Kudaj M. Znamena proshlogo kak simvol nastojashhego // AdygiRU. URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=2938> (data obrashhenija: 06.12.2016).
33. Teuvezheva I.R. Stanovlenie kraevedenija i dejatel'nost' Obshhestva izuchenija Adygei v 20–30-e gg. HH v. // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2008. Vyp. 2. S. 68.
34. Vostochnaja L. Stanovlenie nauki v Ingushetii do 1944 goda. URL: <http://gazetaingush.livejournal.com/1427857.html> (data obrashhenija: 06.12.2016).
35. Nacional'nyj muzej Adygei. Pozadi celyj vek // Portal kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. URL: <http://cpnc.ru/adygea/ns/muzei.html> (data obrashhenija: 06.12.2016).
36. Gosudarstvennyj karachaevo-cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik.
37. Nacional'nyj muzej Adygei. Pozadi celyj vek.
38. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki.
39. Gosudarstvennyj karachaevo-cherkesskij istoriko-kul'turnyj i prirodnyj muzej-zapovednik.
40. Kudaj M. Znamena proshlogo kak simvol nastojashhego.
41. Respondent: Bajramukova T.U., zamestitel' direktora po nauchnoj rabote GKChIKiPMZ. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Zapis' 25.04.2014. Prodolzhitel'nost': 30 min. Mesto provedenija: g. Cherkessk, GKChIKiPMZ // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
42. Respondent: Sohieva L.H., general'nyj direktor NMRSO-A. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Zapis' 10.07.2013. Prodolzhitel'nost' 69 min. Mesto provedenija: g. Vladikavkaz, NMRSO-A // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
43. Respondent: Bajramukova T.U.
44. Respondent: Bajramukova T.U.
45. Respondent: Dzhigunova F.K., direktor NMRA. Interv'juery: E.F. Krinko, T.P. Hlynina. Zapis' 06.08.2014. Prodolzhitel'nost': 80 min. Mesto provedenija: g. Majkop, NMRA // Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN.
46. Respondent: Sohieva L.H.
47. Respondent: Bajramukova T.U.
48. Respondent: Bajramukova T.U.
49. Shnirel'man V.A. Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.

50. Kumpan S. Nacional'noe dostojanie: muzej Respubliki Adygeja//MK.RU-Krasnodar. URL: <http://kuban.mk.ru/articles/2013/04/03/835607-natsionalnoe-dostoyanie-muzey-respubliki-adygeya.html> (data obrashhenija: 06.12.2016).

51. Respondent: Sohieva L.H.

52. Astalov V.A. Istorija Nacional'nogo muzeja Chechenskoj Respubliki.

53. Osnovatelju Ingushskogo nacional'nogo muzeja Tuganu Hadzhimohovichu Mal'sagovu 90 let so dnja rozhdenija 1912–2002 g. Nazran', 2002.

54. Galereja Ilesa Tataeva (filial Nacional'nogo muzeja ChR). URL: <http://www.mkchr.com/main.mhtml?Part=19&PubID=96> (data obrashhenija: 30.06.2013, resurs bolee ne dostupen).

УДК 93/94+908

Национальные музеи Северного Кавказа в социокультурных и историко-мемориальных процессах

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Национальные музеи республик Северного Кавказа являются активными участниками социокультурных и историко-мемориальных процессов в данном регионе. До революции 1917 г. материалы о горцах Северного Кавказа были представлены преимущественно в этнографических коллекциях местных музеев. Создание национальных автономий сопровождалось значительными преобразованиями в музейном деле. Новые краеведческие музеи и их экспозиции стали важными свидетельствами прав народов Северного Кавказа на сохранение и использование своего культурного наследия. В дальнейшем становление музеев не раз испытывало воздействие различных политических и идеологических факторов.

В настоящее время национальные музеи республик Северного Кавказа играют важную роль в сохранении, изучении и репрезентации историко-культурного наследия региона. Материальность и аутентичность – качества, присущие музейным артефактам, – придают особую достоверность концепциям, которые закладываются в экспозиции и выставки. В результате музеи превращаются не только в объекты, но и в средства осуществления исторической и культурной политики.

Ключевые слова: историческая политика, историческое и культурное наследие, музейная экспозиция, музейный фонд, национальный музей, Северный Кавказ, экспонат.